

своей добродетели». Или: «только что наведенные тоненькие сходи разговора, слабые швартовы вопросов и ответов разорвутся и рухнут в воду молчания».

Что же заставляет братьев Вайнеров — пользуясь их же лексикой — так «темнить и вымудриваться»? Почему всем понятное, укоренившееся в русском языке слово они стремятся подчас заменить другим, неприятно звучащим и малопонятным?

Может, ими руководит желание выделиться из большого потока современной литературы, найти, так сказать, свое лицо? Само по себе желание неплохое, плохо то, что для его осуществления выбран порочный путь. Для лучших образцов русской и советской литературы характерны как раз ясность языка, отточенность слога.

На мой взгляд, авторы небрежно относятся к языку из-за недостаточного уважения к читателю: мол, и так сойдет, в детективе главное — интрига.

Кстати, об интриге... Старый больной учитель получает телеграфное сообщение о гибели в автокатастрофе дочери, зятя и внуков. И от инфаркта умирает. Сообщение же оказывается ложным. Герой-рассказчик начинает поиски «убийцы» — человека, пославшего роковую телеграмму... Не хочу поставить себя по отношению к авторам (кажется, юристам) «в невыносимую позицию демонстрации» своей осведомленности, но телеграммы подобного содержания без справки, заверенной врачом, не примут.

Впрочем, мне могут сказать: здесь художественный домысел. Допустим. Хотя строить всю повесть на домысле... Но вот с чем мне труднее будет согласиться, так это, к сожалению, с тем, что язык «Завещания Колумба» — художественный. К сожалению еще и потому, что речь идет об авторах, пользующихся популярностью у читателей.

Л. АЛЕКСЕЕВ

МАССАНДРА